

ЛЕЙТЕНАНТ Николай Лощинин лежал в развалинах гаража, разрушенного гранатомётом. Среди кирпичей тлел остов сгоревшего мотоцикла. Стена гаража рухнула, и открылась высотка в 19 этажей, которую штурмовал взвод Лощинина. Фасад высотки был залит солнцем, окна блеснули. В некоторых стёкла были выбиты, и окна чернели. Из нескольких окон сочилась сажа, пачкала стену, и казалось, над окном чернеет бровь. На этажах угнездился украинский спецназ. В чёрных окнах мерцали пулемёты. Во дворе перед домом детская площадка пестрела разноцветными лесенками, качелями, каруселями. Лежала женщина в задранном синем платье с вывернутыми толстыми ногами. Правее высотки догорал грузовик. В него угодил снаряд боевой машины, взорвался капот, сдвинул кабины, но убитых не было. Левее открывалась улица, ведущая к центру города. На ней солнечными зайчиками сверкали осколки стёкол. Фонарный столб был подрублен и переломился надвое. Через улицу перебегали украинские солдаты, скрываясь в двухэтажном строении с надписью "Аптека". Вдоль улицы тянулись пятиэтажки и пропадали в дыму. Взвод Лощинина вместе с ротой донецких ополченцев штурмовал высотку. Ополченцы после очередной отбитой атаки укрылись в сквере. Там на клумбах краснели цветы и бил фонтан. Солнечные нарядные струи превращали картину разрушений в неправду. Казалось, съёмка фильма закончится, бутафорские дымы рассеются, поломанный фонарь распрямится, из высотки выйдут усталые актёры, побросают бронжилеты и каски, съёмочная группа сядет в автобус и покинет площадку.

Высотка была украинским опорным пунктом, преграждала путь к морскому порту, и командование торопило, ещё и ещё посылая ополченцев и взвод Лощинина на штурм.

Из развалин гаража город был невидим. Его огромность угадывалась по разрывам. Они гуляли на окраинах, переплетали к центру, уходили в глубину и снова возвращались к окраинам. Лощинин угадывал в разрывах расположение самоходных гаубиц, установок залпового огня, тяжёлых минометов. Представлял, как ползуют в кварталах танки, пикируют самолёты, выпрыскивают ядовитые дымы атакующие вертолёты. Город сотрётся, как огромное живое тело. Его пушили и вгоняли ножи. Он вздрагивал, не хотел умирать, а ему резали жилы, рассекали артерии, искали сердце, чтобы вознзть удар и умертвить.

Забулкала рация:

— Сойка, Сойка, я Липа! К вам идёт "коробка". Отработайте и берите дом! Берите его, мать вашу! Лощинин слушал пузырки рации, будто в ней что-то кипело. Представлял ротного, засевшего в соседнем квартале. Небритый кадык, щербатый хрипящий рот, кривой подбородок, злые, в рыжих ресницах, глаза. Рота потеряла четыре машины, одну потерял Лощинин. Теперь, глядя на высотку, на редкие пулемётные вспышки, на сквер с фонтаном, где группируются ополченцы, Лощинин думал, как станет атаковать. Как далеко подойдут к высотке боевые машины, прикрывая броней солдат. Где солдаты отпугнут от брони и бросятся через детскую площадку к подъезду, заваленному мешками с песком. И сколько атакующих войдёт в дом и двинет на этажи, где из открытых квартир в них полетят гранаты и хлестнут автоматы.

Город ахал, стонал, в нём ломались кости, хрустели поджилки, и Лощинин, участвуя в умерщвлении города, цепил, как точнее всрезать сухожилие, взять штурмом высотку.

— Командир, нашей пушкой его не возьмёмш. Монолит. Снаряд как горох отскакивает, — сержант Бурковский, позывной "Бур", тоскливо смотрел на залитый солнцем фасад высотки. Фасад был рязбой от попаданий. Снаряд, ударяя в бетон, выбивал клубок дыма, дым рассеивался, и открывалась вмятина. Если снаряд влетал в чёрный квадрат окна, откуда бил пулемёт, в глубине квартиры раздавался взрыв, вырывалось рыжее пламя, валил дым. Пулемёт умолкал, но на другом этаже полалося стекло, начинало трепетать пулемётное пламя. Пулемётчик оставлял квартиру до попадания снаряда, меняя позицию, не пуская к высотке пехоту.

Вызвать авиацию! Пусть бомбу положит и разнесёт к ядрёне фене! — сержант Бур смотрел в синее небо, где проскльзнула, как пятнистая рыба, вертолёт. Лицо Бура под каской казалось мятым, лоб морщился, морщины уходили под край каски. Глаза, большие, коричневые, как у лошади, тоскливо смотрели на высотку. Высота из-под чёрных бровей глазами разбитых окон выскивала Бура среди развалин гаража, метила снайперской винтовкой.

— Без танка её не взять, — Бур тосковал, ожидая приказа на штурм. — Ещё одну машину сожём. Хорошо, нет двухсотых. Бузу чуть зацепило.

— Как, Буза?..

Лощинин знал о ранении ефрейтора. Видел, как в машину, прикрывавшую ополченцев, угодила граната, полькнула под гусеницей. Машина завертелась, слепо строча пулемётами. Ополченцы бестолково рассыпались, отступая в

сквер. Машина покрутилась и встала обречённо, ожидая второго попадания. Лощинин видел, как из развалин высочила машина ефрейтора, подлетела к подбитой, едва не ударив в корму. Буза скакнул из люка, горбился, набрасывал трос на крюк. Пятясь, оттащил машину от высоты, получив вдогон запоздалый удар гранатомёта.

— Сильно ранен? — спросил Лощинин.

— Осколок с песчинку, в коже застрял на лбу. Медик перевязал, и нормально. Буза живучий.

Лощинин чувствовал, как мается Бур, как тоскливо ждёт атаку, третья на проклятую высотку после первых двух, захлебнувшись, когда ополченцы, уйдя из-под прикрытия машины, ринулись на этот дом и он резал их пулемётами. Они отступали, волоча убитых, укрывались в сквере с фонтаном. Им вслед с крыши высотки бил миномёт, вздымая среди бегущих клочья взрывы. Бур ходил в обе атаки, вытаскивал ополченца, который умер у него на плечах, забрызгав кровью. Эта кровь запеклась на каске Бура. Дважды он выходил из атаки живой и боялся третьей.

— Танк почему не идёт?

Лощинину Бур досаждал, мешал продумывать план атаки. Две боевые машины, ведя пулемётный огонь, поползут к детской площадке, где лежит убитая женщина и начинается "мёртвая зона". Третья, подбитая, машина с дальней дистанции станет бить из пушки по окнам. И тогда, у той карусели с разноцветными люльками, от тех качелей совершит бросок к подъезду, к

Александр ПРОХАНОВ

АТАКА

Глава из романа

мешкам с песком, кидая в темноту подъезда гранаты. Нестись на этажи. В эту атаку, пропустив две предшествующие, пойдёт он сам, туда, где управление боем бессмысленно и бой развивается по законам взрыва. В этом взрыве он может погибнуть, как мог и во всех прежних, где его сбегала судьба.

— Танком её раздолбать до фундамента, тогда и идти, — Бур размышлял, таская, надеясь, что его размышления услышит тот, кто готовит атаку — взводный, лейтенант с булькающей рацией. Или ротный, капитан, с кривым подбородком и рыжими ресницами. Или майор, комбат, пухлый толстячок с обручальным кольцом. Или командир полка с морщиной, не дающей срастись мохнатым чёрным бровям. Или неведомый генерал в кунге над картой города, пославший войска на штурм. Или всевластный, бесконечно удалённый от этой высоты, тлеющего мотоцикла, от убитой женщины в синем платье, от подъезда, заваленного мешками песка, среди которых тменеет оконце для пулемётного ствола, откуда прилетит смерть.

ЛОЩИНИН СЛЫШАЛ муку Бура, хотел от неё отмахнуться, послать Бура на фланг; где Буза собирал у машины ополченцев. Но, мельком взглянув на него, увидел тень, затемнившую лицо среди яркого солнца. Эта тень появлялась у многих и исчезала. Но теперь лежала на впалых щеках Бура, на тонкой переносице, на искусанных губах и не уходила. Лощинин знал природу тени. Это были предчувствия. Неплывшие, они жили в каждом солдатском сердце и вдруг сгущались, проступали на лицах. Лощинин решил не посылать Бура в атаку, оставить в прикрытии. Пусть тень сойдёт с его лица и станет невидимой, утонет в сердце.

Лощинин услышал хруп, железный лязг. Из развалин выполз танк — сначала длинная пушка, лобовая броня башни. Танк вылезал из развалин, как огромный жук, сбрасывая комья земли. Он прокатил мимо гаража, перемолол гусеницами кирпичи, скрылся за трансформаторной будкой. Стал пятиться. Показалась корма с синей гарью, тяжкие катки. Танк появился из-за будки и встал, рюкоча. Он был общарпанный, закопчённый, шершавый, будто по нему водили рапишем. Казалось, на нём висят горелые ломоты. Такие танки поднимают со дна болот, куда они провалились. Этот был в торфяной грязи, на башне поверх активной брони мутно проступала Z. Болотом, куда провалился танк, была война. Его вытащили и направили на участок, где сражался взвод Лощинина. Это был его танк.

— Сойка, Сойка, я — Слон! — забулькала рация. Танк работал на частоте Лощинина. — Сойка, дай указание целей! Пришли наводчика!

— Слон, я Сойка! Будет тебе наводчик!

Лощинин повернулся к Буре.

— Садись на танк. Покажи, куда бить. В подъезд, в четвёртый этаж, в шестой и 12-й. Пусть саданёт по крыше, где миномёт. Выполняй!

Бур всрепнулся, смотрел на танки, на Лощинина повеселевшими шальными глазами.

Отжался, бодрыми скачками вынесся из гаража, взобрался на танк. Из люка показался танкист в шлеме. Бур, оглядываясь на высотку, тыкал рукой, что-то жарко пояснял танкисту. Лощинин видел радость Бура: тот был избавлен от атаки, и тень, затемнившая его впалые щёки, сошла с лица и погрузилась обратно в сердце.

— Я — Первый! Идём двумя машинами! Танк отработал и мы пошли! Как поняли меня? — Лощинин вызывал из развалин машины, подтягивал к рубежу атаки.

Отсюда, от гаража, одна за другой, они двинут к высоте, укрывая броней пехоту. За первой машиной пойдёт взвод, за второй — ополченцы. Лощинин пойдёт за первой, уже не управляя атакой, отдавая её вихрю, который внесёт атаку в высоту, на её этажи, или отбросит назад к развалинам, оставляя на пути отступления горящие машины и разбросанные по детской площадке тела.

Слабость колыхнула Лощинина, будто по рту мятный леденец холодил язык и гортань. Холод спускался к животу, под бронжилет, к ногам, обутым в тяжёлые ботинки. Было солнечно, жарко, кирпичи нагрелись, но он холодел. Высота высасывала из него тепло, выманивала из развалин. Тёмные окна, как глаза с чёрными, намалёванными сажей бровями, видели его, звали на залитую солнцем площадку. Безвольный, переставляя холодные ноги, он выйдет, и его уберёт пулемёт из разбитого окна на четвёртом этаже. Он будет лежать среди детских лесенок и каче-

лей, рядом с женщиной в синем платье, с её толстыми вывернутыми ногами.

Слабость прошла как облачко, затемнившее солнце. Тепло вернулось, превратилось в жар. Он ненавидел высоту, хотел её уничтожить. Каждый этаж, каждое окно, каждого засевшего в ней пулемётчика, каждую квартиру, пустившую к себе украинский спецназ. Желал взорвать, испепелить высоту, вставшую на пути его взвода, на его пути. И будь проклят тот, кто её построил, кто её заселил, кто соорудил нелепые карусели и лесенки, мешающие атаке, которую он через минуту начнёт и не остановит, пока не выйдет на плоскую крышу высотки — этой проклятой домины, что хочет его убить.

— Слон! Слон! Я — Сойка! Приступай к работе!

Грохнуло страшно над головой Лощинина, ткнуло лицом в кирпичи. На фасаде высотки открылась дыра, проломленная снарядом. Из дыры валил дым. Дыра казалась чёрным ртом курлышуща.

Снова жахнул танк. Пушка колыхнулась, выплюнула струю дыма. На фасаде появилась ещё одна дыра, полная дыма. Из первой дыры вместе с дымом летели красные искры. Танк бил, и на фасаде открывались чёрные рты, выдыхавшие дым.

Лощинин считал дыры. После каждого выстрела дом вздрагивал, на мгновение выпадал из фокуса. Стены трепетали, снаряды застревали в высоте, рвали её жилы, ломали кости, и казалось, она рухнет, сползёт горой бетона. Но она стояла, в ней открывались рты, из них летели искры, вало красное пламя. Чёрные рты с красными языками.

— Слон, я — Сойка! Долбани по подъезду! Захерачь, говорю, по входу!

Танк шевельнул пушкой, повёл вниз и ударил. Снаряд улетел в подъезд, расшвырвал мешки с песком. Из подъезда хлынула муть, заволочла площадку.

"Бог даст!" — подумал Лощинин, подхватив автомат и приставиваясь в хвост головной машины. Там топтались десантники и несколько ополченцев в касках не по размеру, без бронжилетов. Ополченец с чёрной бородой кричал в прилипшую к плечу рацию:

— Выкуривай, стрелкуз их мать! Не хрен в кустах сидеть, стрелкуз их мать!

"Бог даст!" — повторил Лощинин, отнесся бородача, вставая рядом с рядовым Ананьевым, позывной "Няня", и ефрейтором Бузылевым, позывной "Буза". Лоб Бузы был перевязан бинтом с проступившей кровью. "Бог даст!.."

Лощинин шёл за кормой машины, дыша горелой солярыкой. Был зоркий, чуткий, пружинил ногами, пригibasся, стараясь заслониться от высотки кормой машины, скрыться в синем дыме солярки. Все, кто шёл рядом, пригibasились, пружинили ногами, будто подражывались к высоте. Высота молчала, оглушённая танком. Горела внутри, осыпалась перебитыми балками.

"Бог даст!" — думал Лощинин, пересекая асфальтовую дорожку с чугунной оградкой, продавлевенной гусеницами. Машины медленно продвигались, поливая из пулемётов фасад. Высота молчала, не огрызалась, дымилла, истлевая внутри. Машина вползла на детскую площадку и шла среди пёстрых, покрашенных в красное, зелёное, жёлтое лесенок и качелей. За площадкой начиналась "мёртвая зона" — место броска.

СЭТАЖЕЙ УДАРИЛИ два пулемёта. Проскребили броню. Очередь соскользнула с брони и взрыхла земля рядом с убитой женщиной. Хлопнул гранатомёт. С девятого этажа понеслась курчавая трасса. Огонёк гранаты провисел над машиной, ударил в асфальт дорожки, отпрыгнул и взорвался малым пепельным взрывом. — Вперёд! — гаркнул Лощинин. Он обогнул корму, увидел, как метнулись следом Буза, Няня, бородатый ополченец. Влетели в тёмный, развороченный взрывом подъезд. Буза швырнул гранату. Няня другую. С солнца — в слепоту, в дым. Эхо взрыва летит на этажи. "Бог даст!.." Лощинин вспрыгнул на обломок лестницы, успел разглядеть висевшие на стене почтовые ящики, лифт с вырванной дверью, растерзанное безголовое тело. "Бог даст!.."

Впереди скакали десантники. Квартира с номером девять. Латунные брызги гильз. Лепестки огня. К стене. Пронесло. Ещё квартира. Мимо, мимо. "Бог даст!.."

Слепая раскалённая сила швырнула Лощинина. Он взбегал скачками среди грохота гранат и автоматного треска. Квартира с номером 20. Сегодня дверь раскрыта. Бородач-ополченец шарается от стены к стене. В квартире грохот, сыпется люстра, летят щепки шкафа. Выше, выше. "Бог даст!.."

КНИЖНЫЙ ДЕНЬ

15 сентября (четверг) в помещении магазина "Книжный день" состоится встреча с военным экспертом **Александром АРТАМОНОВЫМ**.
Тема встречи: Отношения между Россией и Францией: вчера и сегодня Каковы перспективы франко-российских отношений на нынешнем этапе их развития? Что является одним из главных пунктов французской международной политики? Какова самая важная и тяжёлая задача, стоящая перед президентом Франции?
Начало в 19:00, просьба приходить несколько заранее.

16 сентября (пятница) в помещении магазина "Книжный день" мы **продолжаем цикл лекций** под общим названием **"Гибридная война"** от ведущего российского военного аналитика и эксперта **Константина СИВКОВА**.
Вы услышите две лекции, по 30 минут каждая, и сможете задать вопросы. Между лекциями перерыв 30 минут.
Начало в 18:00, просьба приходить несколько заранее.

Весенняя, намокшая от слёз,
Над Родиной, изрезанной фронтами,
Победа, ты летишь в венке из роз,
Обмотана кровавыми бинтами.

Два автоматчика на лестничной клетке. Быть в упор. У животных рыжие розетки огня. Не целясь, рыча, матерясь, Лощинин водил стволом, вырезая круги, помещая в эти круги автоматчиков в пятнистой форме. Один без каски. Рыжие волосы, красный лоб, синие навывкате глаза. Скрылись в квартире. Им вслед, грохоча автоматом, ворвался Буза. Металось, орало, гремело. Очереди из квартиры вылетали на лестничную клетку. Мимо. Дальше. "Бог даст!.."

Сверху, из раскрытых дверей, полетела граната. Ребристая, зелёная, как лягушка. Запрыгала под ногами, стуча по ступеням. Конец. Соскользнула, упала в проём, и там, где мчались вверх ополченцы, грохнул взрыв. Закричали истошно. Выше. Пробегая мимо квартиры, увидел того, кто кинул гранату. Он лежал на полу спиной к стене, голый по пояс. Грудь перевязана, в красных кляксах. Из-под щёки — чёрные ненавидящие глаза. В кровавые кляксы бинтов, в ненавидящие глаза — короткую очередь. Выше, выше. "Бог даст!.."

Он задышался. Этаж за этажом его возносила яростная душная сила. За ним бежал взвод, топтали ополченцы. Растекались по квартирам. В каждой шёл бой. Высота кипела схватками. Лощинин оставлял за спиной кипящие боем квартиры. Нёсся вверх. Была жуткая сладость в этом слепом вознесении, без мыслей, без страха, без жалости. Только вперёд. "Бог даст!.." Ослепляющий свет. Мельканье квартир. Пролымы в стене. Синева. И только одно на устах. "Бог даст!.."

На 19-м этаже квартиры кончались, тянулись длинный тусклый коридор с выходами на крышу. Лощинин искал, через каковую дверь он проникнет туда: там оставался миномётный расчёт. Взябегая по лестнице, он расстрелял магазин. Отцепив его, лейтенант стал нащупывать на груди карман с запасным рожком. Фонарь на месте, индивидуальный пакет на месте. Гранаты он разобрал, пробега по лестничным клеткам. Запасного магазина не было, карман разгрузки был пуст. Должно быть, магазин выпал, когда Лощинин кувыркался, уклоняясь от очередей.

Он стоял, опустив незаряженный автомат. Придётся ждать подкрепление и с ним выбираться на крышу.

Он услышал, как в сумерках коридора захрустело. Появился верзила, громадный, в пятнистой форме, с засученными рукавами, с могучей сутулой спиной и огромными кулаками, в которых держал ручной пулемёт. Пулемётная лента, блестя латуной, свисала к полу. Рыльце пулемёта смотрело на Лощинина. На него же смотрели из-под лобных дуг маленькие, свирепые, мерцающие красным глаза. Пулемётчик был столь огромен, что занимал весь проход, почти касаясь плечами стен. Он шёл враскоряку, как ходят штангисты или снежные люди, пулемёт в его кулаках казался хрупкой игрушкой. Лощинин, держа пустой автомат, птислся, видя, как на лице пулемётчика, тяжёлом, будто бульбичном, открывается рот, губы двигаются и видны зубы. Он был похож на оскаленного медведя, сосолапо приближался к Лощинину. Чёрное рыльце пулемёта отыскало Лощинина, и он обессилел, сдался. Ждал, что истечёт секунда, из чёрной рюмочки дула польхнёт — и тьма. Уже мёртвый, уронил автомат. Но рыльце чернело, пулемётчик дёргал затвор, тряс пулемёт. Лента змеилась, блеснула латунь. Пулемёт молчал. Верзила отбросил пулемёт, в котором заело ленту, и он звякнул о бетонный пол.

21 сентября 2022 (среда) в помещении магазина "Книжный день" состоится встреча с историком, литератором, краеведом, автором монографии, соавтором ряда коллективных трудов и автором более трёхсот статей в периодических изданиях **Алексеем ОБОЛЕНСКИМ**.

Тема встречи: Коллективное покаяние как инструмент политической борьбы и управления массовым сознанием

Тема коллективного покаяния всё чаще поднимается в современном обществе: это и Холокост, и движение BLM в Соединённых Штатах Америки. В нынешней России нам навязывают вину за "зверства" коммунистического режима, Катынь, за массовое переселение народов, "окупацию и порабощение" Прибалтики и многое другое. Алексей Оболенский расскажет о корнях и природе этого явления, объяснит, почему концепция коллективной вины и ответственности нельзя складывать на реальную жизнь, и чем это чревато.

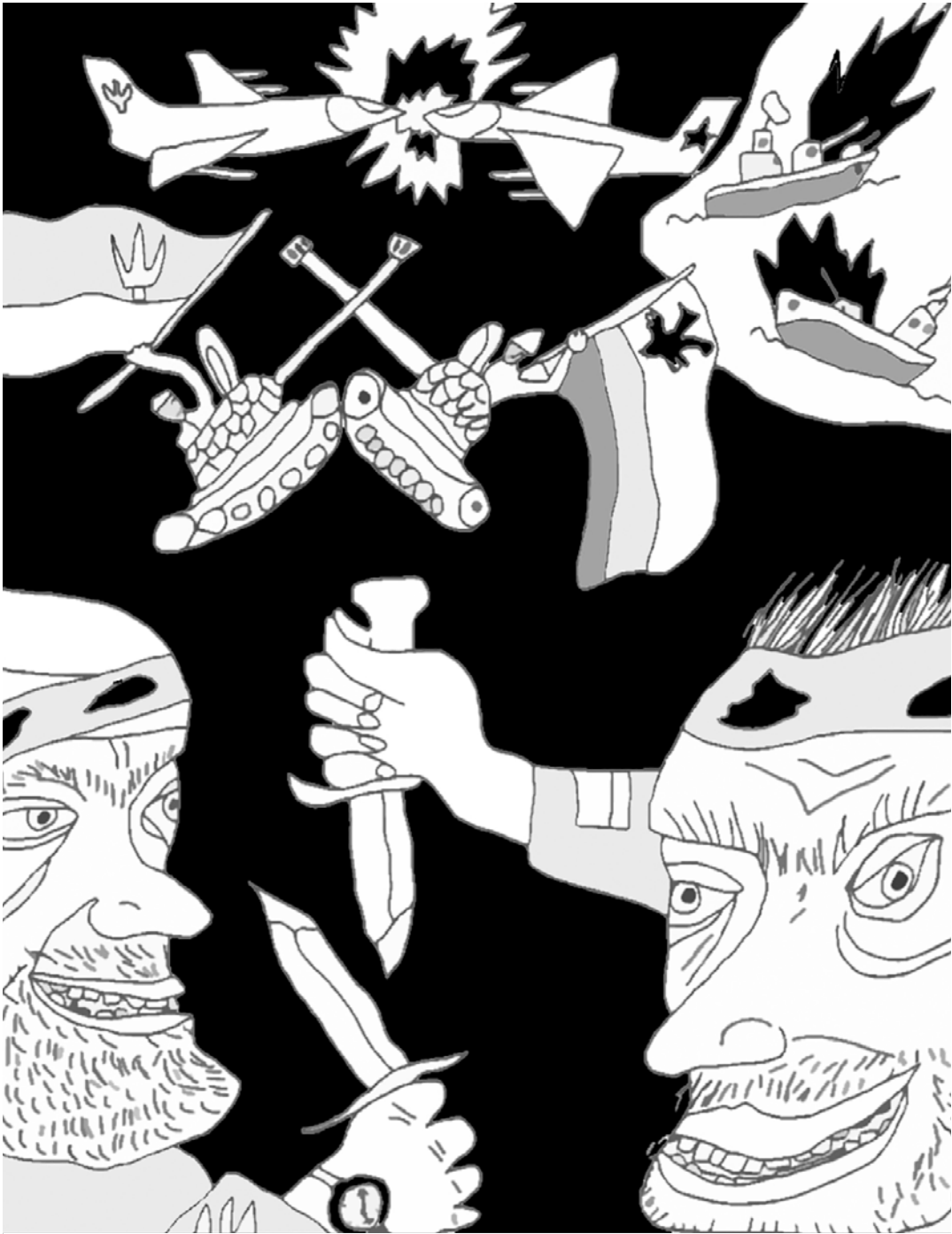
Начало в 19:00, просьба приходить несколько заранее.

Адрес: Москва, Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2 (3-4 минуты пешком от станции метро "Марксистская").
Регистрация на встречу — на сайте день-магазин.рф или по телефону: 8 (499) 350-17-79.

Количество мест ограничено. Заявки на встречу отправляйте, если точно уверены, что придёте.

Наличие распечатанного билета необязательно для посещения мероприятия.

Уважаемые участники! На мероприятиях можно приобрести книги авторов. Если вы хотели бы гарантированно приобрести книги из нашего ассортимента, просим вас заранее оформить заказ на сайте день-магазин.рф. Мы с радостью доставим вас заказ на встречу!
Внимание! Видеосъёмка на мероприятиях запрещена.

Сначала били самоходки, Потом мы шли на этажи. Сходясь, зубами рвали глотки. Исход решали штык-ножи.